

Е. А. Михайлова

ФОТОГРАФИИ ИЗ ЭКСПЕДИЦИИ ВАРВАРЫ ГРИГОРЬЕВНЫ КУЗНЕЦОВОЙ НА ЧУКОТКУ (1948–1951 гг.)

Варвара Григорьевна Кузнецова 1 декабря 1944 г. поступила в очную аспирантуру Института этнографии АН СССР по специальности этнография Северной Азии. Руководителем аспирантки был назначен доктор исторических наук профессор Н.Н. Степанов (заместитель директора Института этнографии), научным консультантом выступал кандидат исторических наук И.С. Вдовин. Тема диссертации — «Чаунские и Амгумские чукчи (комплексное описание)». В работе предполагалось сделать акцент на вопросах, касающихся социального строя чукчей и их семейно-брачных отношений (пережитки группового брака, брачные нормы, терминология родства, положение женщины и т.д.). План работы над диссертацией включал и полевые исследования.

В.Г. Кузнецова отбыла на Чукотку 17 марта 1948 г. Формально ее единственный экспедиционный выезд был причислен к Чукотской комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР. Общее руководство всей экспедицией осуществлял Г.Ф. Дебец. В задачи этой экспедиции входило антропологическое, этнографическое и археологическое изучение Чукотского полуострова. Материалы, собранные экспедицией, должны были пролить свет на вопросы взаимоотношений древнего населения Северной Азии и Северной Америки, времени и путей заселения последней. Академия наук полагала, что этнографы экспедиции продолжат исследования знаменитой американской Джезуповской экспедиции, в которой принимали деятельное участие русские этнографы В.Г. Богораз и В.И. Иохельсон. Таким образом, В.Г.Кузнецова удостоилась большой чести быть продолжательницей работы В. Богораза и В. Иохельсона, дела Джезуповской экспедиции. Полевая работа в соответ-

ствии с тематикой диссертации велась в отдаленнейшей от всех районных центров глубинной части тундры в бассейне р. Амгуэмы. В этих труднодоступных местах, кочуя вместе с чукотским стойбищем, В.Г. Кузнецова провела более трех лет.

По возвращении из экспедиции 28 ноября 1951 г. В.Г. Кузнецова была зачислена на должность младшего научного сотрудника сектора этнографии Сибири Ленинградской части Института этнографии. 6 сентября 1956 г. в связи с длительной болезнью она была уволена из института.

Общедоступным итогом длительной экспедиционной работы В.Г. Кузнецовой стала опубликованная ею статья «Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей» [Кузнецова 1957]. Эта объемная работа представляет чрезвычайно добротные полевые материалы, на достоверность которых исследователь может целиком и полностью полагаться. Каждую деталь обрядовых действий автор статьи наблюдала, проверяла и перепроверяла в течение трех годовых циклов и, как следует из ее дневниковых записей, в разных стойбищах, проводивших обряды друг за другом в определенной последовательности. Ни один из исследователей до В.Г. Кузнецовой, а также и после нее не представлял столь полных и подробных материалов по заявленной теме. Впервые были опубликованы в таком количестве и фотографические документы по праздникам и обрядам чукчей (25 фотографий). Фотографии В.Г. Кузнецовой были использованы также при подготовке тома «Народы Сибири» [Народы Сибири 1956: 903, 905, 908, 912, 915]. Раздел, касающийся чукчей, обеспечен иллюстративным материалом практически полностью за счет сделанных ею в экспедиции фотографий¹.

Коллекция пленочных негативов (И-1454), зарегистрированная В.Г. Кузнецовой, содержит 840 номеров, самих негативов больше, поскольку часть зарегистрированных имеет дубликаты. Эта коллекция, представляющая собой, несомненно, чрезвычайно ценное документальное свидетельство об аборигенных народах и культурах Крайнего Северо-Востока Азии середины XX в., в настоящий момент доступна для обозрения и изучения. 529 фотографий размещены в открытом доступе на сайте МАЭ РАН.

Пленочные негативы размером 6×6 см позволяют говорить о том, что пользовалась В.Г. Кузнецова, по всей вероятности, фотоаппаратом «Комсомолец» (двухобъективная зеркальная фотокамера, выпускавшаяся в 1946–1951 гг. Государственным оптико-механическим заводом (ГОМЗ), позже известным как Ленинградское оптико-механическое объединение (ЛОМО). В фотоаппарате использовалась пленка типа 120 (рольфильм), неперфорированная, в катушках без кассеты. Каждая пленка содержала всего 12 кадров. Выдержка и диафрагма выставлялись вручную, для чего требовался экспонометр. Для улучшения качества фотографий В.Г. Кузнецова использовала штатив. Сейчас уже трудно представить себе, насколько трудоемким был процесс фотографирования. Сохранность оборудования в условиях кочевой жизни требовала особой заботы. В частности, фотоаппарат и прочие фотографические принадлежности необходимо было оберегать от мороза. И уже 25 сентября 1948 г. Кузнецова записывает в полевом дневнике: «Сегодня весь день шила — сделала ватный

¹ Используются негативы И-1454-231, И-1454-208, И-1454-307, И-1454-570, И-1454-432, И-1454-4, И-1454-387.

футляр для ф/аппарата (отрезала рукава от ватника), 2 футляра для экспонометра и <...> метра» (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 345).

В.Г. Кузнецова очень тщательно и добросовестно относилась к документации своей экспедиционной работы, в том числе и к фотографическому фиксации материалов. В дневниковых записях часто отмечался факт фотографирования, количество отснятых кадров и, очень кратко, отснятые сюжеты. Отдельно, как следует из дневниковых записей, велся «фотожурнал». Нужно полагать, что журнал этот, в архиве отсутствующий, был использован при регистрации негативов, что позволило дать весьма четкие, а в ряде случаев развернутые описания отснятых сюжетов. К сожалению, далеко не все негативы в описи имеют датировку. Последовательность описания негативов в описи сделана не в хронологическом порядке. Похоже, что, описывая негативы, В.Г. Кузнецова стремилась сгруппировать их тематически. Пленки для хранения произвольно разрезаны на отдельные негативы или куски из двух-трех негативов. Эти обстоятельства в ряде случаев не дают возможности расположить имеющийся фотоматериал в хронологической последовательности, значительно осложняют датировку фотографий и, соответственно, их привязку к текстам дневниковых записей.

Объем статьи позволяет остановиться только на двух моментах, интересных для истории этой неординарной экспедиции. Во-первых, на неясных до сих пор вопросах, связанных с организацией экспедиции. И, во-вторых, на нескольких «ключевых» для истории экспедиции персонажах.

Богатые возможности для изучения и интерпретации фотографий содержат полевые дневники В.Г. Кузнецовой, хранящиеся в Архиве МАЭ РАН. Дневниковые записи дают великолепную возможность наполнить жизнью неподвижные и молчаливые изображения, увидеть живых людей, с которыми тесно общалась В.Г. Кузнецова. А отсутствующие за определенные периоды дневниковые записи могут в какой-то степени быть восполнены сделанными в это время фотографиями.

В архиве МАЭ РАН хранится 31 полевой дневник В.Г. Кузнецовой. Первый по архивной описи дневник помечен автором как № 3 (первая дневниковая запись датирована 11-м сентября 1948 г.). Первые две тетради полевых записей со сведениями о том, как В.Г. Кузнецова добиралась на Чукотку, и о первых днях ее пребывания в экспедиции утрачены. К счастью, отсутствующие записи в определенной мере восполняют сделанные В.Г. Кузнецовой в августе — сентябре 1948 г. фотографии.

В личном деле В.Г. Кузнецовой имеется справка, выданная в Народный суд, о том, что она выехала в командировку на Чукотский полуостров с 17 марта 1948 г. сроком на один год (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 7. Л. 26). Вероятно, на Чукотку она отправилась обычным для того времени маршрутом: сначала поездом до Владивостока, а оттуда грузовым пароходом до одного из поселков побережья Чукотки. Обычно этот путь занимал 2,5–3 месяца. В «Предварительном сообщении о поездке к чукчам-оленеводам района Амгуэмы» сказано, что в поселок Ванкарем на побережье Чукотского моря, который должен был стать начальной точкой ее экспедиционной работы, Кузнецова прибыла в августе (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 404).

Время прибытия в Ванкарем и место начала экспедиционных работ было выбрано очень рационально и со знанием особенностей хозяйственного цикла

группы, которую она собиралась исследовать. Хозяйственная территория амгуемских чукчей располагалась на правом берегу Амгуемы — по ее притокам Экитики (впадает в одноименное озеро), Энмывааму (Эньмувеему), Энгергину (правый приток Экитики). Учитывая трудности сообщения по безлесной тундре зимой с частыми непогодами и летнее бездорожье, единственным удобным для контакта местом оказывалось побережье. Летом многие стойбища амгуемских чукчей находились на побережье Чукотского моря в местности Ыпъэн, западнее поселка Ванкарем. В этой же местности на реке Рекууль (левый приток Ванкарема) проводилась в самом начале осени ежегодная ярмарка, на которой чукчи закупали необходимые им продукты (жир морских животных, муку, табак), бытовые и ружейные припасы и изделия, перед тем как откочевывали вглубь материка на зимние пастбища.

Ванкаремская ярмарка в 1948 г. работала с 1 по 7 сентября и собрала большое количество береговых и оленных чукчей (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 336. Л. 10). Из описи к коллекции фотографий понятно, что на Ванкаремской ярмарке присутствовала бригада Чукотского райкома партии, работавшая в стойбищах Амгуемской тундры, во главе с инструктором Чукотского райкома И.Ф. Гущиным (рис. 1).

Скорее всего, прибыв на Чукотку, В.Г. Кузнецова сразу же обратилась, как это было принято, к помощи райкома партии, и И.Ф. Гуцин на первое время взял ее под свою опеку. В дневниках есть упоминание о встрече с некой

Рис. 1. Выступление товарища Гущина (руководителя бригады чукотского райкома партии) в день открытия ярмарки.

Река Рекууль, 1 сентября 1948 г.² МАЭ. Колл. № И-1454-343

² В подписях под фотографиями воспроизведен текст описи коллекции И-1454.

Рис. 2. Байдара прибыла к месту ярмарки. 1948 г., река Рекууль.
МАЭ РАН. Колл. № И-1454-379

чукчанкой, которую Кузнецова узнала, поскольку видела ее раньше — она «была в стойбище Омрыквота, когда я впервые прибыла в тундру с Гушиным» (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 334). Можно предположить, что И.Ф. Гушин, занимавшийся летом 1948 г. обследованием населения бассейна Амгуемы, в какие-то выезды бригады в тундру брал В.Г. Кузнецову с собой. У Кузнецовой сохранился «Список населения Амгуэмской тундры. Сведения 1948 г. — лета (работа бригады Гушина)» (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 337).

К месту проведения ярмарки на реке Рекууль В.Г. Кузнецова выехала на байдаре вместе с береговыми чукчами и работниками торгово-заготовительной базы Ванкарема, которые везли для оленеводов продукты приморского хозяйства и товары из фактории (рис. 2).

Прибыла она на ярмарку, по всей вероятности, в компании заведующего Ванкаремской торгово-заготовительной базы А.П. Мельникова и продавца этой базы Николая Ивановича Мэмыля, приехавшего на ярмарку с семьей (рис. 3). А.П. Мельников присутствует лишь на фотографиях, в дневниках он не упоминается вовсе. Мэмылу же в экспедиции В.Г. Кузнецовой отводилась важная роль. Он должен был выполнять функции ее связного с внешним миром, привозить ей в тундру письма и деньги.

4 января 1949 <...> Возвратились с 87 км Вотгыргын и Тн'арэнтуги, каждый с санками. Остановились у яранги Тым[ненэнты]на. Для меня принесли письмо от Айнэвтэгина, Мэмыля — продавца, 2 телеграммы, привезенные Мэмылем

Рис. 3. Продавец из Ванкарема, товарищ Н.И. Мэмыль, с семьей.
МАЭ. Колл. № И-1454-376

из Ванкарема, одна из Л[енингра]да из Ин[ститу]та этнографии из сектора Сибири, 2-я из Москвы, о том что в августе 1948 г. для меня перевели деньги на Ванкарем 3870 р. (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 335).

Действительно, Мэмыл периодически наезжал в стойбища тундры и в дальнейшем — в 1949 и 1950 гг. с выездной торговлей, участвуя в мероприятиях по налогообложению кочевников и т.д., и так или иначе назначенные ему функции выполнял.

А Пэглят, жена Мэмыла, со своими детьми и собакой уехала вместе с Кузнецовой с ярмарки и пребывала вместе с ней в стойбище Тымнэнэтына до 27 октября 1948 г. В.Г. Кузнецова начала свою полевую работу, чукотского языка не зная. Пояснения, которые давала ей Пэглят, были поначалу очень важны, поскольку В.Г. Кузнецова зачастую просто не понимала происходящего (рис. 4).

19 сентября 1948. <...> Вскоре в чоттаген³ пришла чукчанка, что-то беспокойно сказала, и хозяйка с гостьей ушли за ней. Возвратились через некоторое время. Пэглят сказала, что заболел Тымнэлькот (брат Тымнэнэтына) (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 334).

20 сентября 1948. <...> Узнать было не у кого о причинах отъезда яранги Тымнэлькота (я предполагаю — он заболел, и переменили место пребывания). Пэглят сказала, что переехали в связи с тем, что поблизости уже не стало корма для оленей, и стадо погнало дальше» (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 334).

Кроме того, очевидно, помогать В.Г. Кузнецовой было поручено Айнэвтэгыну (Эйнэвтэгыну)⁴ — учителю, знавшему русский язык (рис. 5). В полевом

³ Чоттагын — помещение внешнего шатра яранги, холодная часть яранги.

⁴ Михаил Васильевич Айневтегин — один из первых выпускников Анадырского педагогического училища (1953 г.). В дальнейшем известный на Чукотке педагог, Заслуженный учитель РСФСР.

Рис. 4. Этнограф В.Г. Кузнецова, проведшая в стойбище Амгумской тундры три года (1948–1951 гг.). Одета в меховую одежду мужского чукотского покроя. Рядом с ней сидит чукчанка Пэн'ас, одетая в женский меховой комбинезон (кэркэр). МАЭ. Колл. № И-1454-295

Рис. 5. Бригада Чукотского райкома партии, Анкауэ, Эйн'эвтэгын, Инки, заведующий Ванкаремской торгово-заготовительной базой А.П. Мельников. МАЭ. Колл. № И-1454-335

дневнике за сентябрь и октябрь 1948 г. это имя упоминается довольно часто: Айнэвтэгын что-то переводит или поясняет Кузнецовой. К сожалению, отношения с Айнэвтэгыном сложились не лучшим образом. Кузнецова характеризует его как человека обычно замкнутого и неразговорчивого, а 30 сентября 1948 г. пишет: «Айнэвтэгын совсем перестал со мной разговаривать» (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 334). Свою миссию он посчитал полностью законченной, доставив в начале октября 1948 г. Кузнецову из тундры в поселок Амгуема (87 км трассы Эгвекинот — Иульгин). Создается впечатление, что все официальные лица полагали, что на этом экспедиция В.Г. Кузнецовой должна завершиться. Приняв решение о возвращении в тундру и о продолжении полевой работы, В.Г. Кузнецова отправилась в несанкционированное, самостоятельное и полное опасностей «плавание».

Анкауги — председатель Амгуэмского сельсовета. Его имя часто мелькает в дневниках, когда речь идет о событиях, связанных с социалистическими преобразованиями, коллективизацией и т.п. Анкауги владел русским языком и был активным проводником и пропагандистом мероприятий советской власти. Именно с этим очень «передовым» чукчей связано забавное замечание в дневнике В.Г. Кузнецовой: «В прошлом году Анкауги сказал Номгыргыну, что и в Америке есть колхозы и что там продолжается колхозное строительство» (Архив МАЭ. К-1. Оп. 2. № 349).

Самое активное участие в мероприятиях советской власти принимала и сама В.Г. Кузнецова. Надо полагать, что эта очевидно вредившая научным исследованиям активность была связана в первую очередь с общественными убеждениями Кузнецовой и привычным стилем поведения. Но была у нее и практическая цель: получить административную позицию, что дало бы ей некоторую независимость и избавило от незавидной роли навязчивой гостьи в чукотском стойбище. Именно так и вполне успешно, как ей было, очевидно, хорошо известно вели полевую работу Е.А. Крейнович, С.Н. Стебницкий, Н.Б. Шнакенбург и многие другие ученики Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораз, которых мудрые учителя посылали в поле в качестве преподавателей национальных школ, низовых администраторов или работников культуры.

К сожалению, этим планам не суждено было сбыться. Трудно сказать, что стало причиной: какие-то объективные обстоятельства или особенности характера В.Г. Кузнецовой, зачастую не позволявшие ей налаживать и поддерживать хорошие отношения с окружающими.

23 и 24 января [1949 г.]. <...> В этот же день утром у меня произошла размолвка с бригадой (со всеми тремя русскими) из-за моего выезда на 87 км с ними. Они отказались взять меня на свои нарты, сказали, чтобы я договаривалась с Тымн[енэнтыном] и ехала на оленях (Злобин бросил фразу — Нам-то безразлично). Я не стала больше упрашивать их, настаивать, а решила, что поеду в февраль с Тнэрэнтгыргыном (он поедет на сессию)⁵. Они замолчали, Бурдиленко

⁵ Вероятно, Тнарэнтгыргын был депутатом районного совета депутатов. С Тнарэнтгыргыном В.Г. Кузнецова познакомилась также на Ванкаремской ярмарке и периодически встречалась с ним на протяжении всего пребывания на Чукотке, а иногда и гостила в его яранге. Может быть, именно по причине своего общественного статуса, он поначалу казался Кузнецовой человеком более ответственным по отношению к ней и ее научной миссии, чем Тымнэнтын. Довольно скоро эта иллюзия рассеялась. Функционирует в дневниках Кузнецовой депутат Тнарэнтгыргын исключительно в бытовом контексте.

заметил — если не поедете с нами, совсем не соберетесь. Анкауги сходил к Тымнэн[энтыну], сначала пообещали оленей, а потом передумали и сказали, что повезут меня после перекочевки. С этого дня мои отношения с бригадой совсем испортились, мы почти не разговаривали. Это отразилось и на вопросе оформления меня работником Красной яранги (челгыран) здесь в тундре. Бог с ними (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 335).

Утрата поддержки со стороны районной (партийной) администрации, отсутствие независимого социального статуса определили во многом всю дальнейшую экспедиционную эпопею Кузнецовой.

На той же Ванкаремской ярмарке И.Ф. Гушин, надо полагать, порекомендовал В.Г. Кузнецовой и стойбище, в котором целесообразно будет вести работу. Неудивительно, что выбор его пал на известного в районе человека — первого председателя колхоза «Тундровик» Амгуемского сельсовета Чукотского (современного Иультинского) района Тымнэнэнтына. Именно в стойбище Тымнэнэнтына, в его семье В.Г. Кузнецова в дальнейшем и провела большую часть своей полевой работы (рис. 6, 7).

В упоминавшемся «Списке населения Амгуэмской тундры» указан год рождения Тымнэнэнтына — 1882. Значит, в 1948 г. Тымнэнэнтыну было 66 лет. Тымнэнэнтына Кузнецова характеризовала так: «Сам старик Тымнэнэнтын является большим приверженцем старины, соблюдения правил и обрядов старины, и в яранге строго поддерживается всякая обрядность, а отступление от нее считается нетерпимым пренебрежительным отношением к чукотским обычаям и пресекаются» (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 405. Л. 118–119).

Женой Тымнэнэнтына была Увакай (Вувакай, Гувакай) (рис. 8). Фотография супругов была сделана 20 сентября 1948 г.

Рис. 6. 1 сентября 1948 г. Вручение премии на осенней обменной ярмарке первому председателю колхоза «Тундровик» Тымнэнэнтыну (премия: чайник, чашка с блюдцем, серьги). Река Рекууль, 1948 г. МАЭ. Колл. № И-1454-342

Рис. 7. У выездного ларька с товарами сидит оленный чукча Тымнэнэнтын (курит трубку). 1948 г., река Рекуль. МАЭ. Колл. № И-1454-362

В половине 7-ого я вышла фотографировать. Солнце было на закате и озаряло снежные сопки. Сняла ярангу соседей (хр[омого] чукчи) на фоне сопок, сопки, озаренные солнцем (катушка 14, диафрагма 11, выдержка 1/10. День был солнечный, холодный, замерзало мясо, вода. Кадры 7,8,9,10 — яранга Тымнэнэнтына со стороны входа (снимала на треноге). Засняла Тымнэнэнтына с Уакай. Они всю вторую половину дня пробыли за ярангой на улице, занимаясь хозяйственными делами. Уже дня два Тымнэнэнтын ремонтирует нарты (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 334).

Если ориентироваться на тот же «Список населения Амгуэмской тундры», Уакай была намного старше своего мужа, ей было 88 лет (1860 г.р.). На фотографиях Уакай выглядит скорее молодой женщиной, чем древней старухой. Сведения о возрасте в «Списке» едва ли достоверны. Об этом свидетельствует и следующая запись в дневнике:

26/VI [1949 г.]. Дождя не было, день хороший. Вечером втроем пили чай — Тымненэнтын, Уакай и я. Тымн[еннын] спросил меня, сколько ему лет. Я ответила — 40. Тымн[еннын] сказал, что ему много лет. Заинтересовалась и Уакай своим возрастом. Муж ее сказал, что она намного моложе его. Уакай взяла камешки с пола чоттагена (пили чай у ёрон⁶, у изголовья, Тымн[еннын] был в пологе, лишь голова снаружи) и стала вспоминать свои прошлые кочевки (где летовали). Она насчитала очень мало лет — 29 лет (какая память!), а 30-й был нынешний год. Тымн[еннын] стал считать, сколько лет Онпыгыргыну.

⁶ Ёрон^ы — меховой полог, спальное помещение в яранге.

Рис. 8. Первый председатель колхоза «Тундровик» Амгумского сельсовета Тымнэнэнтын с женой Гувукай. МАЭ. Колл. № И-1454-267

Несколько раз бросал, говорил — чамам⁷, вновь начинал и наконец сосчитал — 15 лет. Уакай сосчитала годы Омр[увакотгау]т — 16, Ятгырг[ын] — 20, Омрыт-валь — 28 лет. Омрыятгыргыну — 8, Таёквуну — 9» (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 339).

⁷ «Не смогу».

Рис. 9. С двумя чайниками Гувакай отправляется за водой для кипячения чая на новом месте после закончившейся перекочевки. Ее дочь Омрывакатгавыт устанавливает ярангу. Под меховым комбинезоном Гувакай одета белая матерчатая (мужская) рубашка. МАЭ. Колл. № И-1454-107

Очевидно, что глубокой старухой Увакай не была, и все же вряд ли ей было в 1949 г. 30 лет, как она насчитала. Увакай вышла замуж за Тымнэнэнтына после смерти своего предыдущего мужа Гырголя, состоявшего с Тымнэнэнтыном в групповом браке. Когда Гырголь умер, Увакай стала женой Тымнэнэнтына. Ее дети от Гырголя перешли в семью Тымнэнэнтына — шестнадцатилетняя дочь Омрувакотгаут и сын Омрыятгыргын восьми лет (рис. 9).

Увакай умерла 10 сентября 1949 г. Обряды, связанные со смертью Увакай в дневнике не описываются. Имеется только краткая запись о том, что 1 сентября у Увакай случился приступ, она сошла с ума, а 10 сентября умерла. Со смертью Увакай связана одна интригующая деталь, всплывающая в дневниковых записях за 10 августа 1950 г.

Вчера под вечер хозяйка затеяла разговор о том, чтобы я не сидела со свечой в чоттагынэ, когда все они ложатся спать. Мотивом выставила то, что к огню соберутся каляйнын (злые духи). Разговор же начал Тымнэнэнтын, спросивший меня — сообщала ли я русским о колдовстве Вэтгынлын и Эттытэгына, наслав-

Рис. 10. Кочевой чукча амгуэмской тундры Эттытэгын с сыновьями. 1948 г. МАЭ. Колл. № И-1454-369

ших смерть на Увакай (жену Тымнэнэтына) и вселивших каляйнын в стадо Тымнэнэтына (все лето стадо было очень беспокойно). Таких «колдунов» чукчи называют «уйвэл». Про Вэтгынлын и Эттытэгын старик сказал, что они действуют совместно, приготовляя еду, в которую подмешивают мясо покойника (умершего старшего брата Эттытэгына), нытэкйччинкэт (нытэкичгинкаат) — делают колдовское мясо (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 349).

С Эттытэгыным, упоминаемом в этой истории, В.Г. Кузнецова познакомилась все на той же Ванкаремской ярмарке в 1948 г. (рис. 10). Караваны Тымнэнэтына и Эттытэгына одновременно откочевали с ярмарки, их пути проходили невдалеке друг от друга, а семьи поддерживали тесное общение.

После смерти Увакай Тымнэнэтын 20 ноября 1949 г. женился на Эттыкутгэут (Эттыкутгэвыт, Эттыкутгэвут, Эттыкутогеут). Это был его третий брак.

На положении работницы в яранге продолжала жить дочь покойной Увакай Омрувакатгавыт (рис. 11). Омрувакатгавыт играла в экспедиционной жизни Кузнецовой значительную роль. Иерархия женщин в семье была жесткой. Хозяйкой дома была жена Тымнэнэтына (сначала Увакай, потом Эттыкутгэут), ей безоговорочно подчинялась работница Омрувакатгавыт. Обстоятельства экспедиционной работы В.Г. Кузнецовой сложились таким образом, что она имела в семье Тымнэнэтына самый низкий статус, и ее ежедневное суще-

Рис. 11. Девушка Омрывакатгавыт из яранги Тымнэнэтына. Хотя на ней надет двойной меховой комбинезон (кэркэр), но весенняя теплая погода позволяет заменить зимний новый кэркэр другим, бывшим в употреблении и с вытертым ворсом. Озеро Экитики, 1950. МАЭ. Колл. № И-1454-21

ствование во многом зависело не только от настроения хозяйки дома, но и от настроения работницы, особенно во время отсутствия хозяйки.

1 ноября [1950 г.] <...> Омр[увакат]гавыт была в роли хозяйки и уже изменила голос. Покрикивала, начала ругаться. Как она была невозможна в прошлом году, когда еще не было Эттыкутгэвыт. Груба, скупа, жадна, лжива, зла, сварлива, прожорлива — а ей всего лет 16. Но судьба изменчива. Лишилась власти и теперь на положении раба, скотины. Ежедневно ее ругают, кричат на нее, бьют как собаку. В прошлом году это существо едва не отправило меня на тот свет ежедневными издевательствами, руганью, моим голодным существованием, в значительной степени зависящим от нее (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 364).

Пастухами в стаде Тымнэнэтына были трое братьев, племянников Тымнэнэтына по линии матери: Ятгыргын (20 лет), Онпыгыргын (15 лет), Таёквун (9 лет). Онпыгыргын и Таёквун имели в стаде собственных оленей (рис. 12, 13). Пастух Ятгыргын также иногда позволял себе быть весьма несдержанным по отношению к В.Г. Кузнецовой.

4 ноября 49. <...> У Тымненэтына — дом пыток для нас, русских. <...> Вечером произошел ужасный факт: Ятг[ыргын] плюнул мне в лицо. Это заключительный номер издевательства надо мной. Выплакала свое горе, обиду, оскорбление. Что делать? За что, во имя чего я так ужасно мучаюсь? (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 343).

Рис. 12. Молодой пастух колхоза «Тундровик» Амгумского сельсовета Ятгыргын, закуривающий трубку. На голове у него надета ровдужная шапочка (вэчоквун), закрывающая только уши и оставляющая открытой макушку головы. МАЭ. Колл. № И-1454-284

Рис. 13. Пастух-подросток Оньпыгыргын из стойбища Тымнэнэтына.
1948 г. МАЭ. Колл. № И-1454-373

У Тымнэнэтына было два брата: Тымнэлкот (Тымнэлхкот) и Номгыргын. Обычно одним стойбищем жили Тымнэнэтын и Тымнэлкот, а яранги стойбища Номгыргина располагались неподалеку (рис. 14).

Тымнэнэтын и Тымнэлкот были родными братьями (отец Кумылкут, мать Етгэут). Тымнэлкоту в 1948 г. было 38 лет. В упоминавшемся «списке Гущина» в графе с его именем стоит 1910 год рождения. У него было две жены: старшая 38-летняя Чейвуна (Чейвунэ, Чейвун'э) и младшая Тынэна (Тын'эны) (рис. 15).

Отцом Номгыргина был также Кумылкут, но мать у него была другая.

Рис. 14. На фоне высокой сопки, вершины которой уже покрыты снегом, расположены две яранги стойбища Тымненэнтына, проводящего праздник второго осеннего убоя оленей (н'энриуьги). К стоящим напротив яранг людям спешат мужчины из стойбища Номгыргына для участия в стрельбе из лука. Август месяц 1950 г., озеро Экитики. МАЭ. Колл. № И-1454-554

Рис. 15. Оленеводы братья Тымнэнэнтын и Тымнэлькот укладывают покупки. Ванкаремская ярмарка, река Рекууль. МАЭ. Колл. № И-1454-348

18 октября 50 г. <...> Яранги Номгыргына и Тымнэнэнтына берут воду из одной проруби. Но у них разные огни-очаги, поэтому разделили места, куда ставить чайники у проруби. Номгыргинские ставят по одной стороне проруби, а Тымнэнэнские — по другой стороне проруби (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 363).

Номгыргыну было 36 лет (1912 г.р.). В 1950 г. у него было три жены: Оотына (1914 г.р.), Элмурултына и Пэнас (рис. 16).

Теперь, когда мы уже знакомы с основными участниками действия, продемонстрирую, как работают три взаимодополняющих источника: фотографии, опись иллюстративной коллекции И-1454 и записи из полевого дневника (рис. 17–21).

Запись от 25 июня 1950 г. (фрагмент): *Рано утром, я еще спала, Тымнэнэнтын с Номгыргыном ушли на рыбную ловлю. Эттык[ут]эзут и Омрувакатгаут на улице около яранги справа опаливали копыта, пантрат⁸ и губы оленя от икрэр⁹. Солнце. Проснулась, в чоттагыне никого не было, в большом пологе спал Омрытгыргын. Оделась, умылась. Взяла за правило, каждое утро умываюсь и полощу рот. Страшно хотелось кушать. Омр[увакатгаут] предложила вчерашнюю рилкэрил¹⁰, но не хотелось этой пищи. Горькая каша вызывала тошноту. Не стала и пробовать. От голода разболелась голова. Взяла фото, пошла на улицу. Допустила ошибку — не сняла уже заснятую пленку и еще простучала 12 раз впустую. Ошибку исправила, намотала новую пленку, засняла людей у костра, № 8. № 7 — вероятно, испорчен — дважды заснято. № 7; № 8 — записано в фотожурнал. На улице же повесили котел и начали варить опаленное. Только после окончания своего дела вспомнили о еде. Достали натъёт¹¹. На улице у костра Тымнэлкот работал — обрабатывал железные вещи — нож энанвэнин’ (Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 344).*

Экспедиция на Чукотку оказалась для В.Г. Кузнецовой тяжелейшим испытанием. 16 января 1951 г. она написала в своем полевом дневнике: «Навряд ли мои мучения перенесла бы женщина. Я же, уже совсем отупевшая, ковьялю по пути кочевков Тымненентына. Ошибочно было ехать неопытному человеку одному, да еще женщине, да к такому народу, как тундренные чукчи-единоличники. <...> Если я еще стану заниматься этнографией, избави Бог от таких вещей» (Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 367).

В.Г. Кузнецова работала в уникальном этнографическом поле. Жившие в отдаленной от всех районных центров глубинной части тундры амгумские чукчи в силу определенной изолированности сохраняли в своей обыденной жизни множество архаичных черт. В.Г. Кузнецова прекрасно понимала всю ценность своих полевых материалов, собранных путем нечеловеческих усилий и испытаний. К сожалению, сама она не успела и не смогла в полной мере сделать их достоянием научного сообщества. Ее полевые дневники и коллекция фотографий продолжают ждать заинтересованных исследователей.

⁸ Панралгын (мн. панрат) — камус (шкура с ног оленя).

⁹ Икырэр — олень, убитый волками.

¹⁰ Рилк’ырил ямгарилк’ырил — содержимое оленьего желудка, блюдо из содержимого оленьего желудка, каша

¹¹ Начёт (натъёт, натёт) — опаленные олени губы, копыта, пленки рогов, хранящиеся в протухшей оленьей крови.

Рис. 16. Пожилой оленевод Амгумской тундры Номгыргын. В руках он держит снятый с кухлянки ремень, трубку, меховую шапку, ровдужную шапочку — вэчоквун. МАЭ. Колл. № И-1454-280

Рис. 17. Кочевой чукча Тымн'элькот перековывает нож из куска железа (части капкана). Тымн'элькот одет в нижнюю меховую рубаху мездровой стороной наружу, опущенную снизу белым собачьим мехом, и меховые брюки ворсом к телу, ноги обуты в нерпичьи безворсные торбаза до колена, обшитые сверху белой нерпичьей выделанной кожей с пришитыми к ней тонкими, зигзагообразной формы полосками из окрашенной в красный цвет нерпичьей кожи; голова опоясана кожаным ремешком с <...>. МАЭ. Колл. № И-1454-296

Рис. 18. Две кочевницы — Эттыкутгэвыт и Омрывакатгавыт — опаливают на костре, разожженном на улице сбоку яранги, копыта болевших ногами и вследствие этого заколотых телят. У Тымнэлькота (занятого кузнечной работой) на головном кожаном ремешке пришиты бисерные подвески — серьги, спускающиеся до плеча. МАЭ. Колл. № И-1454-299

Рис. 19. Чукча Тымнэлькот использовал разожженный на улице между ярангами костер (на котором женщины опаливают олени ноги, а затем варят их в котле, подвешенном на треноге) для перековки нового ножа, приспособив для этой цели железную пластину от капкана. МАЭ. Колл. № И-454-301

Рис. 20. Тымнэлькот за перековкой ножа; женщины варят в котле опаленные олени копыта и опаленные срезы с оленьих шкур. 1950 г., озеро Экитики, Амгумская тундра, стойбище Тымнэнэтына. МАЭ. Колл. № И-1454-302

Рис. 21. Костер на улице вблизи яранги; на треноге подвешен котел с варящимися опаленными копытами. Туши телят, болевших копытицей (болезнь ног), обрабо <...> на заднем фоне видна яранга летнего периода с приставленными к ней грузовыми нартами, придающими жилью устойчивость в случае ветреной погоды. МАЭ. Колл. № И-1454-303

Источники

Кузнецова В.Г. Полевой дневник. Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 334, 345, 335, 336, 339, 343, 349, 363, 364, 367, 405.

Кузнецова В.Г. Личное дело. Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 7.

Кузнецова В.Г. Предварительное сообщение о поездке к чукчам-оленоводам района Амгуэмы. Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 404.

Список населения Амгуэмской тундры. Сведения 1948 г. — лета (работа бригады Гушина). Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 337.

Библиография

Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. XXXV. М.; Л., 1957. С. 263–326. (Сибирский этнографический сборник. II).

Народы Сибири / Ред. М.Г. Левин, Л.П. Потапов. М.; Л.: АН СССР, 1956.